

Ризома и дворы: Петербург как пространство ускользания

Мусаткин И. Д.

«Весь Петербург бесконечность проспекта, возведённого в энную степень»[1] – писал Андрей Белый, продолжая серию образов Санкт-Петербурга как города дворцов, расчерченных Петром линейных проспектов, «гранитный город»[2], архитектура которого «требуется широких пространств, далёких перспектив, плавных линий Невы и каналов...»[3]. Однако в данной работе метафоры Петербурга и их интерпретации в историческом или художественном контекстах не рассматриваются: вместо этого производится попытка прочтения исторических кварталов как пространства с потенциалом ризоматического движения, не задающего жёстких границ и иерархий. Такой ракурс позволяет по-новому осмыслить опыт пребывания в городе, выявляя возможность формирования индивидуального психогеографического опыта и актуализации поля смыслов личности.

Начиная движение по городу как по пространству бесчисленных пересекающих друг друга улиц, переулков, разветвлений дворов старого города, сквозных проходов и тупиков, можно помыслить город не как сетку прямых линий, но как постоянно доопределяемое пространство извилисто расползающихся корневищ ризомы. «В ризоме нет точек или позиций, которые можно найти в структуре, дереве или корне. Есть только линии, которые определяют процесс движения “развития” ризомы»[4]. Так и выстраивая равнозначные кривые потоков, проходящие через дворы и проспекты, мы не выделяем, наподобие привычной картографии, дома как точки, вершины графов. Они присутствуют как ориентиры для топологической фиксации артефактов в индивидуальных пространствах восприятий, но самим артефактом может служить любой объект, встреченный в расползающихся по городу безвершинных сетях – от канализационного люка до затерянного барельефа на тыльном фасаде здания.

«Ризома может быть сломана, разбита в каком угодно месте, она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям»[4]. Переноса это свойство на пространство города, можно подчеркнуть незначимость тотальной связности улиц друг с другом: закоулки и глухие проезды выступают как необходимые элементы лабиринта, символизирующего структуру ризомы.

Разрывы проявляются и между смыслами, закладываемыми в город проектировщиками, архитекторами с их реальными предположениями в воспринимающем субъекте, который пытается «уловить немислимые маршруты»[4], составляя уникальную карту движения вместо калькирования – репродукции заранее заданных маршрутов, будь то туристические справочники, упорядоченные по архитектурной значимости улиц и конкретных зданий или схемы движения транспорта и навигационные маршруты, сформированные из критерия продуктивности, оптимизации времени, стремясь, в пределе, устранить протяженность пространства, перестав его замечать.

Властные структуры также закладывают смыслы посредством сверхкодирования – стремясь определить то, чем будет то или иное место, какой социальный или идеологический смысл оно должно реализовывать. Молекулярный порядок побочных пространств проявляется в феноменах

подпольности, перекодировании пространств – прорубке проходов (например, улица Репина) частных инициативах, стихийных мероприятиях, артефактах уличного искусства, локальных заведениях. Это указывает на них как на выходящего за рамки главенствующего полицейского нарратива – всё подчинить требованиям безопасности и определённости, как на пути ускользания, куда давно не заглядывал «лазерный луч» обеспечивающий «повсюду царство великой означающей купюры» и восстанавливающий «молярный порядок» [5].

Отдельного рассмотрения заслуживают формы дворовых пространств исторического центра Петербурга. Они стимулируют игру воображения подобно тёмным наслоениям барочных интерьеров, форму которых не сразу удаётся определить, поскольку и в их логике, и в логике дворовых ансамблей проявляется общий принцип – «заполнить пространство по возможности наибольшим количеством фигур, оставив в нём по возможности наименьшее количество пустот»[6]. Скрываясь за сплошными фасадами парадных улиц, дворы предстают как интерьерные пространства, в которые едва проникает шум улиц. Войдя во двор, не сразу удаётся скоординироваться, определить геометрические формы пространства – двор является комплексным нагромождением двух-, четырёх-, шестиэтажных кубов со скошенными гранями, приоткрывающих и заслоняющих друг друга. Лишённые облицовки передних фасадов, эти кубы не определяются принадлежностью к классицизму, эклектике или северному модерну, они будто следы незавершенности творения архитектора. И даже считав совокупность дворового пространства как зданий в перемешку с деревьями, хозяйственными постройками и машинами, приоткрываемого и скрываемого игрой света и тени, то следом может проявиться проход в следующий ансамбль – другой двор – и на какой улице получится выйти из этого лабиринта, будет ли выход вообще – или всё кончится тупиком?

Представленный подход к рассмотрению онтологического измерения города ставит целью побудить к индивидуальному прочтению пространств Петербурга. Через непосредственное воздействие архитектуры и природы города, окрашиваемой погодой, активностями других людей и изнутри – текущим состоянием духа прогуливающегося, возникает возможность индивидуального наполнения городских пространств посредством игры произвольных воспоминаний (*reminiscence involontaire*), ассоциаций, актуализирующих разные пласты бытийных переживаний человека. Предлагаемый опыт, через формирование пустого места, незаполненного готовыми интерпретациями, освобождает от ожиданий, сопровождающих просмотр памятников архитектуры, часто приводящих к разочарованию и чувству неудовлетворения, когда шедевр не производит должного впечатления. Кроме того, он позволяет не обделять вниманием места, стоящие ниже в туристической иерархии, а жителям города попытаться преодолеть «вещность» ставших привычными мест, сместив фокус восприятия, сойти с привычных маршрутов и троп.

Список литературы

1. Белый А. Петербург
2. Ахматова А. Ведь где-то есть простая жизнь...
3. Анциферов Н. Душа Петербурга

4. Барма О. А. Концепция ризоморфного лабиринта в культуре постмодерна // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2013. №7.
5. Делёз, Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895, [1] с.: ил.
6. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / общая редакция и послесл. В. А. Подороги; пер с франц. Б. М. Скуратова – М.: Логос, 1997.